
ВЛАСТОМАНИЯ (ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ)

А.В. Никандров

ЭТИКА ЛЮДЕЙ КУЛЬТУРЫ: НОРБЕРТО БОББИО ОБ АВТОНОМИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Аннотация. К началу 50-х гг. XX века среди западноевропейских интеллектуалов сформировалась целая традиция, прочно связывающая роль интеллектуалов в политике с защитой культуры, – традиция, очень близкая русской интеллигенции по своей культурной направленности. Одним из таких интеллектуалов, в ясной форме выразившим эти культурно-политические идеи и связавшим смысл деятельности интеллектуалов в политике и сформулировавшим защиту культуры в качестве главной политической роли интеллектуалов, был итальянский ученый в области философии политики и философии права Норберто Боббио. Его идеи об отношениях культуры и политики и о роли «людей культуры», как он называл интеллектуалов, в политике, выражены в программной книге «Политика и культура» (1955). Настоящая статья посвящена концепции автономии интеллектуалов и их особой политической роли, разработанной и обоснованной Норберто Боббио. Методологической основой работы выступил историко-политологический подход, использовались также методы текстуального исследования произведений и историко-аналитический метод, дающий возможность представить концепцию Н. Боббио в контексте западноевропейских политических реалий и научных поисков XX века. Исходя из понимания интеллектуалов как «людей культуры» Н. Боббио формулирует свою позицию по отношению к культуре как позицию интеллектуала, выдвигающего в качестве принципа политической деятельности интеллектуалов принцип защиты автономии культуры. В качестве обозначения роли интеллектуалов Н. Боббио выдвигает понятие «политика культуры» (противопоставляемое ученым понятию «культурная политика»), при проведении которой не допускается возможность вмешательства политики в культуру. Основными принципами деятельности в политике для интеллектуалов он объявляет принцип интеллектуальной автономии, формулируя в качестве «девиза» политически активной части интеллигенции «независимость, но не безразличие»; и отстаивание принципа диалога.

Ключевые слова: партийность, либерализм, социализм, коммунизм, автономия культуры, политика и культура, интеллектуалы, марксизм, долг интеллектуалов, ангажированность.

Норберто Боббио (1909-2004) – один из крупнейших политических мыслителей и исследователей политики второй половины XX века, достигший немалых высот в области философии права и философии политики. Начиная с послевоенного времени и в течение оставшегося полувека в своих работах, статьях, полемических выступлениях на страницах прессы, в том числе партийной, он проводил, с одной стороны, линию защиты автономии культуры от влияния партийно-политических императивов, и с другой стороны, разрабатывая принципы политической этики интеллектуалов и этики диалога, отстаивал свою позицию в отношении роли интеллектуалов в политике. Суть этой позиции состояла в понимании роли интеллектуалов как протагонистов культуры, долг которых –

защищать ее автономию, и с этой целью обязанных бороться за собственную автономию.

В 1955 г. по итогам дискуссии с итальянскими коммунистами по проблемам понимания свободы и политической ангажированности интеллектуалов Н. Боббио выпускает в свет книгу «Политика и культура», явившуюся блестящим завершением общеитальянских дебатов об интеллектуалах, начавшихся со споров относительно концепции Жюльена Бенда, выраженной в книге «Предательство интеллектуалов» (1927), и продолженных после войны итальянскими коммунистами в ходе «большой волны дискуссий» о политике и культуре¹.

¹ Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991. С. 22-23.

Как философ политики Н. Боббио дискутирует с коммунистами в начале 50-х годов – с Пальмиро Тольятти, Рануччо Бьянки Бандинелли, Гальвано Делла Вольпе и другими. Эти дискуссии с лидерами и теоретиками Итальянской компартии посвящены темам свободы и демократии, свободы культуры и коммунистической концепции партийности культуры, демократии и диктатуре; оценке соответствия представлениям разных теорий демократии политического строя, существующего в СССР; социалистической демократии и ее оценке с точки зрения либерализма. Немаловажная часть дискуссий посвящена представлениям о роли интеллектуалов в связи с теорией «органического интеллектуала» Грамши, об ответственности интеллектуалов перед обществом². Книга «Политика и культура» стала как бы завершением, итогом этих интеллектуальных споров, и одновременно ответом коммунистам со стороны представителя либерализма. Эта книга – первый опыт такого диалога и своеобразный «культурный манифест» Н. Боббио.

В «Политике и культуре» в ходе полемики с коммунистами философ вырабатывает и представляет свое понимание свободы в русле ее либералистического видения прежде всего как свободы индивидуальной, следуя «направлению Локка-Канта», в котором свобода понимается как невмешательство государства в осуществление индивидом своей свободной деятельности, ограниченной только рамками закона и гарантированной законом же в том, что этими рамками не объемлется. Это направление в понимании свободы, особенно ярко защищавшееся Б. Констаном, а во второй половине XX в. – И. Берлином, свобода «негативная», свобода как не-препятствие, – отстаивается Н. Боббио так же ярко, как и Констаном, в очерке, название которого как бы продолжает тему, поднятую великим французским либералом: «О свободе современных людей в ее сравнении со свободой потомков». Давая такой заголовок одной из наиболее полемических статей «Политики и культуры»,

Боббио заостряет внимание тех, к кому обращены его размышления, на том факте, что свобода может быть под угрозой и уж во всяком случае всегда нуждается в защите, заботе о своем будущем. Этот очерк 1954 г. является ответом на статью Гальвано Делла Вольпе «Коммунизм и современная демократия» (1954), – в ней второй по значимости после Тольятти идеолог ИКП отстаивал коммунистическую «свободу в государстве», руссоистское понимание отношений государства и индивида. Очерк Боббио о негативной свободе (терминологию Исаяи Берлина Боббио будет использовать в последующих работах) был настолько сильным полемически и ярким в теоретическом отношении, что не оставил равнодушным лидера компартии П. Тольятти, заставив его взяться за перо: в конце 1954 г. он публикует в «Ринашите» под излюбленным псевдонимом Родериго ди Кастилья статью «На тему свободы».

В заключающем «Политику и культуру» очерке «Свобода и власть»³, представляющем собой ответ философа на статью Пальмиро Тольятти, «подключившемуся» к дискуссии Норберто Боббио с Гальвано Делла Вольпе, в которой глава итальянских коммунистов, как и Делла Вольпе, отстаивал марксистское видение свободы. Так резюмировал диалог Боббио-Тольятти Массимо Мастрогрегори: «Подписываясь "Родериго ди Кастилья", Тольятти пишет большой очерк под названием "На тему свободы" и вмешивается в полемику с позиций авторитета. И сразу все меняется: это больше не полемика между коллегами, как-то Бьянки Бандинелли и Боббио или Делла Вольпе и Боббио, университетские профессора. Теперь выступают в полемике глава партии коммунистов и интеллектуал. Это – качественный скачок: дискуссия *о политике и культуре* становится воистину дискуссией *между политикой и культурой*»⁴. Боббио опровергает марксистский тезис о партийности культуры, на котором построена вся система партийного руководства культурой со стороны компартий и согласно которому партийность включается марксистами в сущностное определение интеллектуала.

² Об этом см.: Никандров А.В. Творческое развитие или доктринальная инверсия марксизма: Норберто Боббио о значении и своеобразии концепции гражданского общества Антонио Грамши // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 6. Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. (Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_ast6-1.2014.22).

³ См.: Боббио Н. Свобода и власть / Публикация и перевод А.В. Никандрова // Вопросы философии. 2013. № 5.

⁴ Mastrogregori M. *Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la "guerra fredda culturale"* (1948-1968) / *Lezioni tenute all'Università di Roma «La Sapienza»*. Facoltà di Lettere e Filosofia. Corso di laurea in Storia, a.a. 2005-2006. Roma, 2006. P. 338.

Защите автономии культуры, критике принципа ее партийности и, в более широком смысле, – борьбе против политизации культуры, Н. Боббио в своей основной работе «Политика и культура», занявшей достойное место в европейской интеллектуальной саморефлексии, посвящены три очерка: «Культурная политика и политика культуры» (1952), «Защита свободы» (1952) и «Свобода искусства и культурная политика» (1953). Два последних очерка, в свою очередь, посвящены полемике с коммунистическим идеологом Рануччио Бьянки Бандинелли, который настаивал на принципе партийности культуры (*partiticità della cultura*).

Исходный принцип Боббио ясен из сказанного ранее: если свобода – это «не-препятствие», свобода от государства, то «свободная культура означает культура, которой не чинят препятствий (*cultura libera significa cultura non impedita*)»⁵. Р. Бьянки Бандинелли в своей статье «Диалог о свободе» (1952) по-марксистски отстаивает партийность культуры: она партийна всегда, на всех этапах своего существования и развития, так как отражает мировоззрение доминирующего класса. Из этого постулата, на который делал особый упор В.И. Ленин, Бьянки Бандинелли делает те же выводы, что и все марксисты, в духе концепции развития человеческого общества на пути к коммунизму и рождения в связи с этим переходом новой культуры. Еще в статье «Приветствие итальянским интеллектуалам» (1946)⁶ он говорит о связи культуры с массами, о передовой коммунистической культуре, идущей на смену реакционной буржуазной культуре, базирующейся на идеализме и оторванной от народа, и т.д. Боббио рассматривает саму связь культуры с классом, отношение свободы культуры и связей в обществе. Быть свободным – вовсе не означает быть без связей, существовать, будучи не связанным ни с чем: в понимании Боббио свобода означает «не иметь других связей кроме как принимаемых по внутреннему убеждению, но не по внешнему принуждению»⁷, поэтому важно не то, что, положим, какой-либо деятель культуры в своем творчестве выражает мировоззрение определенного класса или видение мира своего времени, – важно, делает ли он это, поскольку свободен или поскольку вынужден (напри-

мер, партийными директивами). В этом свободном действии в культуре индивидуума, непреклонно защищаемом Н. Боббио, и состоит основа автономии культуры, творимой интеллектуально независимыми людьми культуры.

Из общего принципа марксистского принципа партийности культуры как мировоззрения господствующего класса теоретики компартий делают практические выводы в отношении руководства культурой, понимая партийность вполне конкретно, как «институциональную процедуру формирования культуры на основе установленных определенным образом культурных директив»⁸, то есть как руководство к действию. Логика марксизма очевидна: раз культура партийна по определению, то и руководить ей надлежит партии, выражающей интересы прогрессивного рабочего класса, то есть компартии, – и так культура будет прогрессивной.

Политику руководства культурой со стороны класса, партии, государства и т.д., имеющих свои интересы в отношении культуры и предписывающих ей определенные императивы и директивные принципы, философ называет «культурной политикой», связывая это понятие с понятием органического интеллектуала Грамши. Культурная политика вменяет культуре внешние по отношению к ней императивы, и тогда культура становится, по Боббио, политизированной (*cultura politizzata*). Крайнее выражение такой тенденции – тогдашняя советская культура, которая была политизирована абсолютно, вплоть до партийности науки. Боббио был впечатлен советскими лингвистическими дискуссиями, принцип партийности науки он назвал реакционным, и в этом с философом согласились многие итальянские коммунисты. Он пишет: «Один принцип, по моему мнению, противоречит марксистской идеологии, рожденной на почве историцизма, – и это принцип партийности науки, придающий советскому государству церковно-догматический характер. В самом деле, если настоящая наука – та, которая следует директивам партии, то тогда мы имеем обладателя абсолютной истины, и это – партия»⁹.

Н. Боббио считает, что либералы и вообще все люди культуры должны до конца отстаивать свободу культуры: интеллектуал «должен ясно понимать прежде всего следующее: когда он защищает

⁵ Bobbio N. *Politica e cultura*. Torino, 1955. P. 38.

⁶ См.: Bianchi Bandinelli R. *Dal diario di un borghese e altri saggi*. Roma-Bari, 1976. P. 224-230.

⁷ Bobbio N. *Politica e cultura*. Torino, 1955. P. 86.

⁸ Там же. P. 87.

⁹ Там же. P. 52.

свободу искусства, то высшая ценность, защищаемая им, – это не ценность свободы искусства, но ценность самой свободы»¹⁰. Культурная политика, в отличие от прямого партийного руководства культуры партией, дает искусству, культуре относительную свободу, но тем не менее рассматривает эту свободу инструментально: культура свободна постольку, поскольку служит политике.

Итак, политизированная культура, – «которая подчиняется директивам, программам, постановлениям, исходящим от политиков»¹¹, и крайнем выражением которой является принцип ее партийности, то есть полное подчинение политике, – это первая опасность для культуры. Но существует и другая, прямо противоположная опасность – культура может стать аполитичной (*cultura apolitica*), оторванной от общества, в котором существует, от его потребностей, – одним словом, от социальной коммуникации. Эти два состояния культуры Н. Боббио называет «двумя сторонами одной медали» и заключает: «Оба они, при всей их противоположности, несут одинаковую опасность: культура теряет свою функцию духовного руководства обществом»¹². Каковы же тогда должны быть действия людей культуры – интеллектуалов – в отношении свободы культуры? До какой степени «защищать ее от политики», не подвергая опасности довести культуру до полной аполитичности? Необходимо отметить достаточно высокую степень политизации итальянского общества во время, когда писались дискуссионные очерки «Политики и культуры», так что требования деполитизации культуры были бы вполне уместны. Но Боббио вовсе не призывает, подобно Жюльену Бенда, интеллектуалов к абсолютному отказу от политической деятельности, которую называет «предательством интеллектуалов» (о нем и о его критике политической деятельности интеллектуалов будет подробно сказано в дальнейшем). Боббио говорит об обязанностях людей культуры по отношению к самой культуре, причем эти обязанности называет политическими. Автономии культуры должна соответствовать независимость интеллектуалов, которая понимается философом в двух смыслах: как независимость собственно интеллектуальная, то есть свобода от идеологических *догм* и *доктри-*

нальных «заповедей» (но при этом независимость не идентична отсутствию идеологии); и как независимость политическая, как свобода от партийных директив и императивов, – интеллектуал, по твердому убеждению Н. Боббио, не должен быть членом никакой из партий и не должен принимать *прямого участия* в политике, «не быть органичным» по отношению к партиям и идеологиям. Это требование не означает запрета участия в политической жизни, безразличия к политике, ибо «также и мир культуры имеет потребности, обязанности и возможности политического плана», – а отсюда следует, что интеллектуал должен «понимать культуру как политический факт»¹³. «Из этой констатации, – продолжает Боббио, – следует общее правило поведения для человека культуры в обществе, – правило, согласно которому его участие или неучастие в политической жизни не должны затруднять сами условия существования и развития культуры. Этот долг для человека культуры – превыше всех других»¹⁴. Это прямо соответствует принципу не-препятствия (*non impedimento*) в понимании свободы, принципу «негативной свободы», примененному в отношении культуры. Конечно, из этого «негативного» принципа вытекают о позитивные обязанности интеллектуалов в отношении культуры, общий смысл которых – «бдительность и твердость в защите культуры»¹⁵, отстаивание ее интересов в политике и социальной жизни.

Обязанности людей культуры по отношению к культуре ограждают ее как от политизации, так и от аполитичности. Круг этих обязанностей по защите культуры от этих двух опасностей называется философом «политика культуры» (*politica della cultura*), в отличие и в противопоставлении «культурной политике» (*politica culturale*), предполагающей «планирование культуры со стороны политиков»¹⁶. Боббио много раз повторяет определение человека культуры как ее «возделывателя и хранителя» (*custode e depositario*), его при этом не пугает, что многие интеллектуалы являются членами различных политических партий и приверженцами различных мировоззренческих систем и идеологий, – ведь политика культуры «имеет отношение к тому общему, что объединяет людей

¹⁰ Там же. Р. 95.

¹¹ Там же. Р. 35.

¹² Там же. Р. 35.

¹³ Там же. Р. 34.

¹⁴ Там же. Р. 35-36.

¹⁵ Там же. Р. 36.

¹⁶ Там же. Р. 37.

культуры, и не касается того, что их разделяет»¹⁷. Итак, философ не видит большой опасности в том, чтобы человек культуры не просто принимал участие в политической жизни, но и занимался определенной политикой, – для него важен не сам факт степени вовлеченности в политику, но влияние этой вовлеченности на культуру: она, по принципиальному требованию Н. Боббио, не должна превращаться в пропагандирование интеллектуалами их политических воззрений вплоть до постулирования как императивных для культуры. В этом случае политическая деятельность интеллектуала становится несовместимой с его основным призванием, с его главным долгом по отношению к культуре. Интеллектуальная свобода, «свобода человека культуры от политических формул и пропаганды может стать предпосылкой его эффективной политики культуры»¹⁸.

Итак, в отношении свободы культура может быть политизированной и аполитичной, – следовательно, задача людей культуры, интеллектуалов, состоит в проведении такой *политики культуры*, которая защищала бы ее *автономность*. В итальянской же культуре, современной Норберто Боббио и защищаемой им как человеком культуры, аполитичность и политизированность выражаются в «академичности», и такая культура при всей ее скрупулезности и научной строгости все же страдает излишней беспристрастностью, доходящей до «холодности и безразличия»; и «воинственности» (*cultura militante*), – а такая культура при всей ее живости и вовлеченности в общественные проблемы доходит до «тенденциозности»¹⁹. Противоречие между этими крайностями в Италии, полагает философ, велико как нигде, задачу же интеллектуала он видит в том, чтобы это напряжение снижать, примиряя данные крайности культуры прежде всего в себе самом. Для достижения этого Боббио предлагает свою «действенную философию» (*filosofia militante*), разрабатываемую в очерке «Культура старая и культура новая» и отражающую его идеал, как можно сказать, человека культуры Италии, итальянского интеллектуала с его просветительскими, антидогматическими интенциями и чаяниями свободы, главные задачи которого – поиск истины и способствование развитию свободы. О действенной фило-

софии Боббио пишет так: «Действенная для кого? Может быть, для партии, для секты или для конфессии? Действенность не означает партийность, сектанство или набожную преданность. Это не тот способ философствования, когда смотрят на вещи с высоты закоснелой мудрости, но углубляются в изучение конкретных проблем, и только после тщательного и методичного исследования принимают позицию [или решение]»²⁰. Важнейший принцип действенной философии Н. Боббио – это принцип ответственности ученого, философа за принятое им решение, а также ответственности за собственный политический выбор, лежащий в основе этого решения. Об антидогматической направленности действенной философии говорилось и ранее, – очевидно, что смысл этого антидогматизма Боббио как главной составляющей действенной философии – в том, чтобы «возвратить философии ее социальную функцию ... в демократическом обществе»²¹. Задача Н. Боббио – опровержение «старой концепции философии как мертвого знания, делающего из философа жреца, интерпретатора абсолютной истины, по отношению к которой он является только хранителем»²². Интеллектуал-пророк абсолютной истины, жрец неизменных догм, – нет ничего более далекого от идеала человека культуры в понимании Боббио! Но также и марксисты настаивали на антидогматизме своей философии; а поскольку диалог является принципиальным требованием и даже формой существования действенной философии Н. Боббио, – то нет ничего удивительного в том, что именно с ними он впервые вступил в дискуссию, и именно этот достаточно долгий диалог оказался в конечном счете весьма плодотворным. Основной темой этого диалога было суждено стать теме отношения политики и культуры, но интеллектуальных линий диалога будет достаточно много: от споров по поводу ангажированности интеллектуала до чисто теоретических вопросов марксизма.

Один из очерков «Политики и культуры» называется «Интеллектуалы и политическая жизнь в Италии» и посвящается рассмотрению культурной ситуации в послевоенной Италии, борьбе левых интеллектуалов, приверженцев просвещенческой культуры с ее живостью и стремлением к действию, против культуры обскурантистской с её им-

¹⁷ Там же. Р. 36.

¹⁸ Там же. Р. 49.

¹⁹ Там же. Р. 196.

²⁰ Там же. Р. 205.

²¹ Там же. Р. 206.

²² Там же. Р. 207.

мобилизмом, клерикализмом и реакционностью, к которой тяготеет правящая группировка. Рассматривая условия формирования нового «политического корпуса», класса людей культуры как особой общественной группы со своими социально-политическими задачами, Н. Боббио проводит сравнение политики и культуры как социальных сфер и делает из этого ряд выводов, касающихся сущности и функций интеллектуалов (как, впрочем, и политиков), а также формулирует различные способы поведения людей культуры *по отношению к политике и в политике*. Философ насчитывает шесть пунктов различия культуры и политики, – соответственно, шесть критериев идентификации людей культуры, диктующей им задачи в политике, от собственно политиков, людей политики.

Первый критерий различия констатирует ограниченность политики географическими границами государства, проводящего ее: поэтому «политика национальна и националистична, культура же космополитична. Культура не видит перед собой ни политических, ни географических барьеров. Отечество человека культуры – весь мир»²³. Этот космополитический идеал имеет свои корни в Просвещении и противостоит тоталитарному видению мира. Однако принцип космополитичности, доведенный до крайности, может превратиться в антинационализм и «абстрактный космополитизм», полностью пренебрегающий национальными интересами.

Второй критерий связан с сущностью культуры как области деятельности людей, в которой человеческий дух создает непреходящие, универсальные ценности, отражающие вечные идеалы человечества; политика, вне сомнения, более приземлена: она имеет дело с проблемами более частными, иногда даже случайными: «Люди политики знают только случаи и необходимости, а люди культуры изменчивому случаю противопоставляют неизменные идеалы, а [постоянно] меняющейся [политической] необходимости – [идеалы] вечной справедливости»²⁴. Однако превращение этого принципа в догмат чревато превращением культуры в беспомощное созерцание «вечных идей»; однако помимо опасности инертности второй критерий содержит в себе угрозу более высокого порядка. Если инертная культура делает из вечных культурных идеалов и ценностей предмет

для созерцания, то культура, придающая второму критерию чрезмерное значение, превращает их в совокупность догм и обязательных императивов.

С отношением к конформизму и догматизму связан третий критерий: «Политика придерживается определенной степени конформизма; культура же если и дышит, то только в атмосфере свободного поиска. В политической жизни догма представляется столь же необходимой, сколь и критическое сомнение в жизни мысли»²⁵. Однако метод критического сомнения, эксклюзивным обладателем которого является культура, подвержен опасности вырождения в *проблематизм*, когда исследователь, мыслитель превращает в проблему решительно *всё*. С другой стороны, догматизм есть куда более серьезная опасность для культуры, – собственно, по Боббио, самая серьезная опасность: победа догматизма означает слияние культуры с политикой, ее поглощения и превращения в часть, отрасль политики, реализующую политические планы и выполняющую политические задачи.

Четвертый критерий вытекает из третьего и является самым важным из всех шести, так как, во-первых, отражает отношения культуры и свободы, а во-вторых, касается сущностной конституции интеллектуалов как протагонистов, или акторов культуры. «В политике существует необходимость в коллективном духе, буквально "стадном", тогда как культура есть по преимуществу высшее выражение индивидуальности. Человек культуры, который уступает политике, заканчивает тем, что рискует отказаться от части себя самого, – от того, что делает его человеком культуры»²⁶. Конечно, дух индивидуализма при его чрезмерном развитии может придти к анархическим формам самовыражения, но отказ от индивидуальности, растворение человека культуры в политической коллективности ведет к утрате им своей сущности. С этим конституирующим элементом интеллектуальности связано понимание Н. Боббио роли партий, партийности, и требование неучастия в непосредственной партийной деятельности, отказа от прямого политического действия. Как видно, эти требования философа к интеллектуалам обоснованы его сущностным пониманием культуры, свободы и индивидуализма. Из четвертого критерия вытекает также принцип невозможности партии интеллектуалов, споры о

²³ Там же. Р. 131.

²⁴ Там же. Р. 131.

²⁵ Там же. Р. 131.

²⁶ Там же. Р. 131.

необходимости и желательности существования которой на итальянском политическом небосклоне велись многими интеллектуалами (в том числе и Бенедетто Кроче) со времен Пьеро Гобетти и апеллировали к грамшианской концепции партии как коллективного интеллектуала. Но доктринальная гомогенность вообще не свойственна людям культуры как определенной группе, ибо предполагает доктринальную дисциплину, помимо обычной партийной. Н. Боббио полагал, что, будучи членом определенной партии, человек культуры растворяется в политике, утрачивая свою индивидуальность: люди культуры не могут быть «доктринальными» (*addottrinati*), так как в этом случае утрачивается критический дух (*spirito critico*).

Пятый критерий касается пристрастности политики, в отличие от беспристрастности науки: «Политика пристрастна (*parziale*), тогда как наука беспристрастна (*imparziale*). Человек, занимающийся политикой, не может быть одновременно человеком культуры, так как страсти, подобающие первому, возмущают и сбивают с пути второго»²⁷. При этом философ считал, что беспристрастность не должна вырождаться в безразличие. Но что означает этот критерий на практике, почему он выделен отдельно? Заметим, что философ использует слова *parziale*, имеющее также значение «частичный», а у Боббио это – прямое указание на партийность, пребывание в определенной партии, тогда как человек культуры не должен быть «человеком части». В этом случае можно задаться вопросом: какое отношение имеет беспристрастность к партийности или беспартийности в политике и что нового задается требованием беспристрастности, если уже введен императив независимости (как в интеллектуальном, так и в политическом смысле)? Беспристрастность в отношении политики является у Боббио синонимом критического духа, обладая которым интеллектуалы должны участвовать в политической жизни, не подпадая под влияние партий с их доктринами и идеологиями, то есть не выходя из круга культуры. В практическом плане это выражается в нейтральности людей культуры, которая понимается философом нетривиально, не как политическая позиция, но как позиция интеллектуальная, когда люди культуры, анализируя мнения различных политических партий, принимают ту точку зрения, которая при беспристрастном анализе в процессе диалога представляется им

наиболее соответствующей их культурным интенциям. Только принимая принцип беспристрастности, интеллектуал может выполнять свои обязанности критика различных политических мнений и позиций, несмотря на риск оказаться в изоляции, когда борющимся политическим силам не удастся привлечь его на одну из сторон.

Критерий беспристрастности и соответствующее правило поведения людей культуры имеет также и полемическую силу. Отстаивая независимость интеллектуала, Н. Боббио выдвигает этот критерий как тезис против тех, кто обвиняет их в безразличии и бездеятельности. В очерке «Критический дух и политической бессилие» из «Политики и культуры», защищая тезис беспристрастности в острой полемике с коммунистами, философ говорит: «То, что нельзя допустить, – это то, чтобы он [интеллектуал] отвернулся от обязанности беспристрастности, ибо где нет духа беспристрастности, – нет и культуры незаинтересованной, [автономной], но только культура политизированная, – и, следовательно, культура фальшивая и испорченная»²⁸. Беспристрастность людей культуры, вооруженных критическим духом, противопоставляется таким образом пристрастности политиков, – и хотя это полемическое противопоставление касается современного состояния итальянского общества, Н. Боббио делает общекультурные выводы, возводя разлад между политикой и культурой к «вековой вражде между свободным разумом и мирской властью»²⁹.

Шестой критерий отличия политики и культуры связан с моральной силой культуры, с отношением к морали как части культуры. Политика связана с экономической жизнью, с жизненными потребностями общества, ее действия связаны с насилием, с силой, осуществляемой государством в интересах государства же. Культура придает ценность и силу моральным требованиям, предъявляемым обществу его моральным сознанием, интерпретатором которого является человек культуры³⁰. Следуя по этому пути, легко скатиться в пустое морализаторство, моральное проповедничество, и Боббио предостерегал от этой опасности людей культуры, критически рассматривая позицию Жюльена Бенда, уделявшему чрезмерное внимание

²⁷ Там же. Р. 131.

²⁸ Там же. Р. 143.

²⁹ Там же. Р. 144.

³⁰ Там же. Р. 131.

универсальному и абстрактному в сфере интеллектуальной деятельности, отстраняя интеллектуала от политической жизни и ограничивая его социальную деятельность функциями моралиста; и достаточно резко критикуя морализаторство Сартра.

Таковы отличия политики от культуры и человека культуры, интеллектуала, от человека политики, которого Боббио иногда называет «ординарным политиком». Мировоззрение людей культуры, которое соответствует их особенностям и задачам в культуре и политике, Н. Боббио называет действенной философией (*filosofia militante*), – это, можно сказать, «методология интеллектуалов», основными чертами которой являются критический дух с его методом критического сомнения; лаицизм, под которым имеется в виду противостояние идеологическому диктату и догматизму в политике; и диалог как образ действия людей культуры в политике. Совокупность задач интеллектуалов в культуре по защите ее автономии обозначается как политика культуры, противопоставляемая попыткам политиков навязать культуре политические императивы, то есть культурной политике. Исходя из этих посылок философ в очерке «Интеллектуалы и политическая жизнь в Италии» рассматривает «феноменологию отношений политики и культуры» в итальянском обществе второй половины XX века, насчитывая четыре базовых образа действий, распространенных в среде итальянских интеллектуалов и выбирая из них тот модус поведения интеллектуалов в культуре (но по отношению к политике), который, по его мнению, более всего подходит людям культуры. Речь идет об отношении к противоборствующим политическим силам, партиям, группам и т.д., противостоящим, в частности, и в идеологическом плане.

В первом случае интеллектуал исходит из преувеличенного значения «вечных идеалов» и действует в соответствии с принципами Ж. Бенда, возвышаясь над всяческими спорами и наблюдая «политическую суету» сверху, «ожидая мира или перемирия, чтобы сойти со своего пьедестала и смешаться с толпой, оставшись чистым душой»³¹. Конечно, добавляет Боббио, такое представление о способе деятельности разделяется немногими людьми культуры, – он ссылается на формулу Романа Роллана «над схваткой» – так французский интеллектуал назвал свой сборник пацифистских статей 1915 г., а в 1935 г., став сторонником анти-

фашистского фронта, выпустил книгу «В схватке». Ссылка на Р. Роллана символична: в 50-е годы сложно было представить интеллектуала, безучастно взирающего на политические баталии, полностью отстраненного от политики и созерцающего платоновские вечные идеи.

Вторая позиция сходна с первой, но отличает ее все же несколько большая активность. Боббио называет ее «ни тут ни там». Это позиция нейтралитета, невмешательства; но не полного отстранения от событий. Философу импонирует здесь отречение от фанатизма, который он искренне ненавидит, но не устраивает холодная отстраненность таких интеллектуалов, их позиционируемое нежелание участвовать в истории. Однако здесь скрыто одно противоречие. Н. Боббио всеми силами боролся против искусственного разделения на правых и левых, на «разъяренных западников», «защитников цивилизации», и «филокоммунистов», призывающих к варварству; исходящее из желания некоторых политиков представлять весь политический процесс в черно-белом свете. Мир в этом случае видится «как клетка для сумасшедших, и нельзя сказать с уверенностью, кто более безумен, – те, кто справа или те, кто слева»³². Тогда нежелание становиться частью *такого процесса* вполне оправдано, но человек культуры как раз и должен бороться против навязанных альтернатив, фальшивых дихотомий, – и именно в этом смысле Н. Боббио не принимает нейтральность, которая угрожает интеллектуалу оказаться вне истории, на обочине истории. Эта позиция – осознанный отказ от ответственности, и при всем уважении к миролюбивости, отказу от яростных политических баталий и «крестовых походов» интеллектуалами, разделяющими данную стратегию, Боббио с его деятельной философией не по пути с отказом от политического участия. Итальянский политолог Дино Кофранческо в книге «Демократия либеральная (и другие)» сформулировал свое представление о том, в чем видит задачу интеллектуалов Н. Боббио. Основной принцип Боббио, как полагает Кофранческо, – «критика, но не протест», и с этим нельзя не согласиться. Говоря о собственном видении обязанностей интеллектуалов в политике и сопоставляя это видение с боббианским, Кофранческо резюмирует: «Такова была задача, подобающая "классу ученых": с одной стороны, ее истоки шли от "классического" представления о знании, – вспомним известнейшую метафору Цицерона: философ

³¹ Там же. Р. 132.

³² Там же. Р. 133.

идет на состязания не с тем, чтобы принимать в них участие или болеть, но для наблюдения как за атлетами, так и за публикой; с другой стороны, традиция отправлялась от замечательной формулы познавательной направленности, представленной Максом Вебером в "Работе интеллектуала как профессия" как фундаменте научной деятельности³³. Отсюда становится понятным смысл третьей позиции.

Третья позиция разделяется самим Боббио и имеет отношение к высшим ценностям его либеральной философии – свобода и истина, без которых невозможен прогресс культуры (да и само ее существование). Название ее – «и оттуда и отсюда» – философ расшифровывает следующим образом: «На базе этого идеала интеллектуал не должен ни отвергать ни прислуживать, но присутствовать там, где могут быть позитивные ценности. А они не могут быть только на одной стороне. Более того, цель [интеллектуала] – работа с этими позитивными ценностями: освободить их от страстей, в которые они погружены, вознести в ранг очевидности, – и быть их носителем и глашатаем»³⁴. Отсюда явствует, что мысль Боббио направлена против всяческих блоков, противоборствующих лагерей: философ, не скрывая патетики, говорит о «благороднейшей» задаче интеллектуалов – «воззвать к толерантности и стремиться к диалогу»³⁵, будучи непримиримыми защитниками свободы и истины. Метафорическое резюме философа символично: интеллектуал должен быть не между двух огней, но внутри них! Как из текста рассматриваемого восьмого очерка «Политики и культуры» – «Интеллектуалы и политическая жизнь в Италии», так и из его контекста видна некоторого рода «воинственность» Н. Боббио в отстаивании своей позиции, смысл которой проясняется при анализе четвертой интеллектуальной позиции, против положений которой он выступает в связи с тем, что некоторые из них ему приписывались.

Четвертую позицию Н. Боббио считает наиболее смелой и при этом наиболее безрассудной из всех, несмотря на ее примирительный характер. В соответствии с ней, задача интеллектуала состоит в синтезировании различных мировоззрений и интеллектуальных платформ, идеологий,

– с тем, чтобы стать во главе процесса. Этой цели служит способность людей культуры видеть проблемы в целом, в отличие от частичного видения самих политиков, погруженных в политическую конкретику. Эта глобальность интеллектуального мирозерцания, по мнению тех, кто придерживается «синтетической» позиции, способствует преодолению идеологии в принципе и враждебности идеологий в частности, превратив идеологию в научное знание о политической реальности. Последняя претензия напоминает один из марксистских постулатов, но речь в данном случае идет о некоей, по словам Боббио, суперидеологии интеллектуалов, готовой интегрировать и сам марксизм. К этому направлению относятся многочисленные вариации на тему «третьего пути» – различные синтезы либерализма и социализма, персонализма и солидаризма, индивидуализма и универсализма и т.п. Сам Н. Боббио непреклонно отказывается от «соблазнов третьего пути» и неоднократно опровергает теоретиков, готовых приписывать ему «третьепутистские» интенции. Главная опасность подобных «сверхконцепций» очевидна: это опасность создания новой догматической системы, представляемой как творение самих людей культуры, – системы «абстрактных идеалов, которым реальность должна соответствовать, и неважно, каким образом и какими средствами», а к этому ведет «стремление интеллектуалов образовать отдельный класс, имеющий экстраординарные задачи»³⁶. Но такие амбициозные претензии явным образом ставят интеллектуалов вне истории и вне культуры, перечеркивая их сущность и настоящие задачи в политической жизни, которые поставила перед ними культура. Таким образом, идеология третьего пути, имеющая благую цель устранить политическое и идейное манихейство, вполне может привести к диктату культуры над политикой, а это – опять-таки политизированная культура, пусть даже и под самыми «благопристойными» знаменами.

Итак, четыре позиции участия людей культуры в политической жизни градируются по степени их вовлеченности в нее – от полного отстранения до претензий на руководство ей путем создания единой идеологии, вобравшей в собственный теоретический универсум все богатство различных, часто противоборствующих, политических концепций.

³³ Cofrancesco D. La democrazia liberale (e le altre). Roma-Bari, 2003. P. 117-118.

³⁴ Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 134.

³⁵ Там же. P. 134.

³⁶ Там же. P. 136.

Список литературы:

1. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Антология мировой политической мысли в 5-и тт. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. М., 1997.
2. Боббио Н. Левые в 2000 г. М., 1990.
3. Боббио Н. Свобода и власть / Публикация и перевод А.В. Никандрова // Вопросы философии. 2013. № 5.
4. Кин Ц.И. Выбор или судьба. Итальянская культура в преддверии XXI века. М., 1988.
5. Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991.
6. Никандров А.В. Идеиные баталии первой половины 50-х годов XX века в Италии: Норберто Боббио и коммунисты в дискуссии о политике и культуре // Вопросы философии. 2013. № 5.
7. Никандров А.В. Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры // Политика и общество. 2012. № 12. С. 45-50.
8. Никандров А.В. Творческое развитие или доктринальная инверсия марксизма: Норберто Боббио о значении и своеобразии концепции гражданского общества Антонио Грамши // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 6. Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. (Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovrv_e-ast6-1.2014.22).
9. Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М., 2008.
10. Репьева А.М. Органический коммунизм в философии В.В. Берви-Флеровского // Международные отношения. 2013. № 3. С. 401-407. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6792).
11. Agosti A. Togliatti. Un uomo di frontiera. Torino, 2003.
12. Ajello N. Intellettuali e PCI. 1944-1958. Roma-Bari, 1979.
13. Bianchi Bandinelli R. Dal diario di un borghese e altri saggi. Roma-Bari, 1976.
14. Bobbio N. Politica // Dizionario di politica. Diritto da N. Bobbio e N. Matteucci. Torino, 1976.
15. Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955.
16. Bourdeau G. Ideologia // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979.
17. Cofrancesco D. La democrazia liberale (e le altre). Roma-Bari, 2003.
18. Cotroneo G. Le nuove frontiere del pensiero politico dopo la fine delle ideologie // Il liberalismo come pratico della liberta. A cura di G. Pagano. Napoli, 1997.
19. Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989.
20. Mastrogregori M. Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «guerra fredda culturale» (1948-1968) / Lezioni tenute all'Universita di Roma «La Sapienza». Facolta di Lettere e Filosofia. Corso di laurea in Storia, a.a. 2005-2006. Roma, 2006.

References (transliteration):

1. Bobbio N. Intellectually i vlast' // Antologiya mirovoi politicheskoi mysli v 5-i tt. T. 2. Zarubezhnaya politicheskaya mysl'. XX vek. M., 1997.
2. Bobbio N. Levye v 2000 g. M., 1990.
3. Bobbio N. Svoboda i vlast' / Publikatsiya i perevod A.V. Nikandrova // Voprosy filosofii. 2013. № 5.
4. Kin Ts.I. Vybora ili sud'ba. Ital'yanskaya kul'tura v pred'dverii XXI veka. M., 1988.
5. Lyubin V.P. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Norberto Bobbio. M., 1991.
6. Nikandrov A.V. Ideinye batalii pervoi poloviny 50-kh godov XX veka v Italii: Norberto Bobbio i kommunisty v diskussii o politike i kul'ture // Voprosy filosofii. 2013. № 5.
7. Nikandrov A.V. Norberto Bobbio o politike i kul'ture: nezavisimost' intellektualov i avtonomiya kul'tury // Politika i obshchestvo. 2012. № 12. S. 45-50.
8. Nikandrov A.V. Tvorcheskoe razvitie ili doktrinal'naya inversiya marksizma: Norberto Bobbio o znachenii i svoeobrazii kontseptsii grazhdanskogo obshchestva Antonio Gramshi // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya. 2014. T. 6. Vyp. 1: Grazhdanskoe obshchestvo i obshchestvo grazhdan: voprosy teorii i praktiki. Tematicheskii vypusk kafedry filosofii politiki i prava Filososfskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova. (Statsionarnyi setevoi adres: 2227-9490e-aprovrv_e-ast6-1.2014.22).
9. Popov L.B. Vospominaniya o evrokommunizme. M., 2008.
10. Rep'eva A.M. Organicheskii kommunizm v filosofii V.V. Bervi-Flerovskogo // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2013. № 3. S. 401-407. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.3.6792).
11. Agosti A. Togliatti. Un uomo di frontiera. Torino, 2003.
12. Ajello N. Intellettuali e PCI. 1944-1958. Roma-Bari, 1979.
13. Bianchi Bandinelli R. Dal diario di un borghese e altri saggi. Roma-Bari, 1976.
14. Bobbio N. Politica // Dizionario di politica. Diritto da N. Bobbio e N. Matteucci. Torino, 1976.
15. Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955.
16. Bourdeau G. Ideologia // Enciclopedia del Novecento. Vol. III. Roma, 1979.
17. Cofrancesco D. La democrazia liberale (e le altre). Roma-Bari, 2003.
18. Cotroneo G. Le nuove frontiere del pensiero politico dopo la fine delle ideologie // Il liberalismo come pratico della liberta. A cura di G. Pagano. Napoli, 1997.
19. Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. Torino, 1989.
20. Mastrogregori M. Politica e cultura: gli intellettuali, la CIA e la «guerra fredda culturale» (1948-1968) / Lezioni tenute all'Universita di Roma «La Sapienza». Facolta di Lettere e Filosofia. Corso di laurea in Storia, a.a. 2005-2006. Roma, 2006.